

**ИСПАНСКИЙ «ВЕКТОР» ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ (ИЮЛЬ-АВГУСТ 1936 г.):
РОЖДЕНИЕ ПОЛИТИКИ «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА»**

Как известно, начало гражданской войны в Испании породило желание локализации данного конфликта. В контексте господствовавшей в середине 30-х гг. идеи умиротворения тактика «невмешательства» показала заманчивой большинству европейских политических лидеров.

Для определения перспектив развития «испанской» составляющей международных отношений накануне второй мировой войны заслуживает отдельного рассмотрения процесс подготовки и подписания Соглашения о невмешательстве в дела Испании: во что трансформировались противоречия, контуры которых проявились уже в августе 1936 г., чем они обернулись для собственно испанской проблемы, двусторонних отношений и международной ситуации в целом.

Внешнеполитические документы Англии, Франции и Бельгии, чьи руководители прибыли в двадцатых числах июля 1936 г. в Лондон на совещание в рамках подготовки конференции 5 держав, свидетельствуют, что на данной встрече речь шла о европейской безопасности в целом. Испанская проблема фактически не поднималась[1], то есть ее участниками проблема континентальной безопасности напрямую с разгорающимся испанским пожаром в тот момент не связывалась или, можно предположить, не озвучивалась еще на международном уровне, и хотя уже имелась информация об итальянской и немецкой помощи мятежникам.

Зарубежные исследователи расходятся в трактовке последствий визита французского премьера Блюма в Лондон (23-24 июля 1936 г.) для провозглашения политики невмешательства[2].

В доступных нам советских архивных документах за вторую половину июля 1936 г. (13 фондов АВП РФ) испан-

ская проблема упоминается трижды, причем почти везде – в подчиненном контексте[3]. Так, например, во время вышеупомянутого визита Л. Блюма в Лондон министр иностранных дел Франции Дельбос пригласил 24 июля на встречу в отеле «Савой» советского полпреда И.М. Майского, сочтя своим долгом поставить через него в известность советское правительство о том, что происходило на совещании Локарнских держав. В ходе беседы Дельбос подчеркнул, что «Европа стоит сейчас перед пропастью войны». Текст беседы, переданный в НКВД СССР, изложен на пяти листах. и уже после подписи Майского в постскрипуме упоминается, что Дельбос, между прочим, отметил, что «испанские события сильно играют на руку Гитлеру, который ведет усиленную пропаганду против СССР», обвиняя его в «организации испанской революции». Комментарии отсутствуют [4]. Возможно, это был своеобразный зондаж советской позиции, тем более, что несколько ранее в беседе с Иденом Блюм заявил о положительной реакции французского правительства на просьбу Мадрида о военных поставках[5].

Темпы изменения ситуации в Испании (середина июля - начало августа 1936 г) и скорость реакции на нее и на действия фашистских стран Великобритании, СССР, в некотором плане Франции, не совпадали, точнее, последняя запаздывала и носила сугубо национально-страноведческий характер. На наш взгляд, это станет в последующем не последней причиной слаборезультативности всей политики невмешательства. Попытки упреждающего удара не предпринял никто, равно как и игры на опережение.

Известно, что на просьбу республиканцев (21 июля) о продаже нефти для

использования фактически запертого в Танжере республиканского флота английская сторона ответила отрицательно, мотивируя тем, что не считает возможным делать это на государственном уровне, дабы избежать возможных повреждений собственных нефтеналивных танкеров как в зоне Гибралтара, так и Танжера (бомбежки мятежников). Британский кабинет 22 июля принял решение не предпринимать никаких поспешных акций и внимательно следить за ситуацией [6]. Москва только 17 августа решением политбюро ЦК ВКП(б) постановила продать Мадриду мазут в необходимом количестве на льготных (ценовых) условиях [7].

Несколько активнее вел себя Париж – уже 23 июля Франция в лице министра авиации П. Кота (с одобрения И. Дельбоса и Л. Блюма) предложила поставить республиканцам 20-30 бомбардировщиков. Днем позже французская сторона получила официальную просьбу Мадрида о продаже самолетов, боеприпасов, ружей, пушек и пулеметов [8]. Но начавшаяся в правой печати антиреспубликанская и антиправительственная кампания, наложившаяся на впечатления, привезенные Блюмом из Лондона, вынудили французского премьера ретироваться. Позже он будет характеризовать ситуацию во французских политических кругах конца июля 1936 г. как «разновидность парламентского переворота» [9].

Дальнейшая политика французского руководства в испанском вопросе вплоть до 4-5 августа (предложение европейским державам курса невмешательства) характеризуется колебаниями, непоследовательностью, крайностями, ожесточенной внутривнутриполитической борьбой. Так, 25 июля Париж признал военные поставки в другую страну равносильными вмешательству в ее дела, в тот же день решением совета министров Франции была запрещена продажа оружия республиканской Испании (хотя такие действия не от лица правительства не осуждались), 1 августа 1936 г. французский кабинет со ссылкой на испано-

французский договор 1935 г. отменит и это решение. В ночь с 1 на 2 августа в результате дебатов французское министерство иностранных дел приняло коммюнике с предложением правительствам Великобритании и Италии согласиться на общие для всех правила невмешательства в испанские дела [10], то есть французское руководство определилось со своей тактикой в отношении Испании.

Нужно заметить, что в письме британского министра иностранных дел Идена французскому поверенному в делах Камбону от 4 августа 1936 г. потенциальными участниками соглашения названы Великобритания, Франция, Германия, Португалия и Италия. В советский документ, освещающий этот факт (запись беседы зам. зав. 3-м Западным отделом НКВД СССР Ф.С. Вейнберга с французским поверенным Пайяром, 5 августа 1936 г.), вкралась опечатка – вместо Португалии там названа Польша [11]. Этот документ был опубликован в 19 томе ДВП СССР, и ссылки на него перекочевали во многие научные исследования [12].

Предложив европейским державам курс «нейтралитета» - невмешательства, Париж 9 августа вновь подтвердит постановление от 25 июля о запрете поставок оружия республиканцам [13]. Заметим, что к этому времени не были получены ответы на предложение о невмешательстве ни от Германии, ни от Италии, ни от Португалии, и это действие французской стороны уместно рассматривать как явное нарушение испано-французского договора 1935 г.

С начала августа 1936 г. можно говорить о вторичной реакции европейских стран на «испанский стресс», о ее более взвешенном, обдуманном характере. Из некоторого «ощепенения» их выведет французская нота с предложением о невмешательстве вкупе с нарастающим объемом информации об эскалации конфликта на Пиренеях и вмешательстве в него Италии и Германии.

До этого – несколько выжидательная позиция. Особенно англичане (Дж.

Маунси - Галифаксу) и русские (Крестинский – Сталину) считали нужным быть очень осторожными в ответе, чтобы никто (немцы и итальянцы, французы) не истолковал его в пользу какой-либо стороны в Испании. Еще 10 августа британский посол в Москве Чилстон подчеркивал в телеграмме Идену, что на начальном этапе испанской войны советская пресса при всей селективности публикаций зарубежной информации не выражала ничего, кроме платонической любви к Мадридскому правительству[14].

В английских и французских политических кругах начнется интенсивная работа по выработке, уточнению своих позиций в испанском вопросе (он рассматривался на заседаниях британского кабинета 3, 6 августа, министерства иностранных дел 5 августа и пр., французского правительства 7, 8 августа)[15].

Активизировалась деятельность и советской стороны. На фоне развертывания итало-германской интервенции в Испании, оживления деятельности французской и британской дипломатии вокруг указанной проблемы замаячила угроза дальнейшего отстранения СССР от общеевропейских дел. На уровне ЦК ВКП(б) «испанский вопрос» контролировал секретарь ЦК Л.М.Каганович, по линии НКВД – заместитель наркома иностранных дел Н.Н. Крестинский и зам. заведующего 3-м западным отделом НКВД Вейнберг.

По нашим подсчетам, в течение августа 1936 г. Вейнберг 13 раз встретился с временным поверенным в дела Франции в СССР Пайяром, дважды ему направлял ноты М.М. Литвинов. 5 служебных записок по испанскому вопросу за это же время было подано Крестинским Сталину (14 августа даже 2), не говоря об обмене телеграммами НКВД СССР с советскими полпредами в ведущих европейских странах[16].

Как известно, французская нота Великобритании и Италии от 2 августа 1936 г. содержала предложение о заключении соглашения о невмешательстве между этими тремя странами под предлогом наибольшей выраженности их интересов

на Пиренеях и в бассейне Средиземного моря с отказом от поставок оружия обеим воюющим сторонам (так называемые «средиземноморское соглашение»).

Италия на несколько дней задержала ответ, Англия сочла трехстороннее соглашение нерезультативным, в ответной ноте (4 августа) выразив пожелание включить в него Германию и Португалию[17].

По мнению британских лидеров, невключение в него Германии способно было вызвать у Гитлера реакцию, возможно, более бурную, чем итальянская на заключенную накануне конвенцию в Монтрё. Чрезмерное противопоставление Италии Германии в преддверии встречи по поводу пакта пяти держав в Лондоне таило серьезную опасность для Британии. Уступая британской просьбе (повторенной дополнительно в ноте в посольство Франции после обеда 4 августа Галифаксом), французский МИД вечером того же дня направил приглашение этим странам. Тогда же пришел ответ из Берлина[18].

Германия заявила, что готова присоединиться к соглашению. По данным советской дипломатии, некоторые лидеры гитлеровского руководства «настаивали на осторожности и усиленно советовали не обескураживать Францию и особенно Англию отказом присоединиться к предложению о нейтралитете». Они подчеркивали, что он навлечет на германское правительство обвинения, будет содействовать развязыванию войны в Испании и толкнет Францию, а возможно и Англию, на путь прямой помощи Мадриду[19].

Свое принципиальное согласие на невмешательство Германия обуславливала участием в нем СССР. «Представляется интересным, - писал по этому поводу французский посол в Берлине Франсуа-Понсе, - что он [фон Нейрат, министр иностранных дел Германии - В.М.] проявляет стремление приобщить Россию к переговорам. До настоящего времени правительство Рейха было исключительно озабочено тем, чтобы ис-

ключить Советский Союз из всяких совместных переговоров»[20].

До сведения советской стороны информация о французском демарше была доведена 4 августа временным поверенным в делах Франции в СССР Пайяром. Этот факт мог бы трактоваться как рядовой обмен информацией между двумя сторонами. Но в вышеназванном ответе Лондона на французскую ноту подчеркивалось, что соглашение о невмешательстве должно охватывать все страны, способные поставлять оружие и амунисию в Испанию, но при этом Советский Союз в списке потенциальных участников соглашения не упоминался. Не будет он назван и 6 августа в устном британском меморандуме Италии, переданном Чиано временным поверенным в делах в Риме Ингрэмом[21].

Французский демарш в Москве можно рассматривать как самостоятельный и продуманный шаг. Пайяр мотивировал свои действия опасениями, «как бы на испанской почве не началось прямое противостояние между Германией, Италией и Францией»[22]. Париж интересовала советская позиция и эвентуальность поддержки Франции в испанском вопросе. Кроме того, К'дэ Орсе испытывал некоторую нервозность в связи с визитом в эти дни Р. Ванситгарта в Берлин. Отношение Англии к правительствам Народного фронта, как известно, не отличалось излишней расположенностью, Советский Союз же удачно мог подойти на роль противовеса.

Французский вариант невмешательства предполагал участие и советской стороны, но сразу озвучить этот нюанс французская дипломатия не торопилась и не решалась, не заручившись принципиальным советским согласием и не получив ответы из Лондона, Рима, Берлина. Следующий французский шаг в этом направлении – передача СССР 5 августа уже официального предложения принять принцип невмешательства во внутренние дела Испании и «участвовать в отмеченном соглашении». Подчеркнем, что Великобритания о французской ак-

ции не была заранее проинформирована[23]. Также поверенный в делах Франции в Лондоне Камбон в беседе с сотрудником британского МИДа Дж. Маунси 6 августа не проинформировал последнего о советском ответе и отказался от предложенного британского посредничества в Москве[24].

К 8 августа еще не дали ответа на французское предложение Италия, Польша и Португалия, первая – под предлогом отсутствия Муссолини в Риме (?!), а Польша и Португалия – ввиду отсутствия министров иностранных дел.

Небезынтересно сравнить требования, которыми ведущие участники соглашения о невмешательстве сопровождали свои ноты принципиального согласия о присоединении к нему: Великобритания на начальном этапе стремилась ограничить его круг потенциальными участниками «пакта 5-ти». Германия, Италия и Португалия, как указывалось выше, из опасения открытой поддержки республиканцев Советским Союзом хотели связать его соглашением о невмешательстве.

Проект советского ответа на французское предложение, переданный Крестинским 5 августа для утверждения Сталину, предполагал обусловить согласие СССР немедленным присоединением, в первую очередь, Италии, Германии и Португалии (позже в тексте ноты Парижу вечером того же дня останется только Португалия - Пайяр сообщит советской стороне об ответе Германии). Принципиальный момент: в отличие от тактики июля 1936 г. советская дипломатия сочла, что «с ответом медлить нельзя», мотивируя это опасностью быть втянутыми в длительные переговоры, во время которых – первые четкие контуры советской позиции в испанском вопросе – Франция будет считать себя связанной, а немцы и итальянцы будут продолжать помогать мятежникам. В этой же служебной записке очерчивалась и проблема так называемого «косвенного вмешательства», которая станет впоследствии одной из дискуссионных тем в Комитете

по невмешательству: Крестинский считал нужным подчеркнуть, что оказание помощи законному испанскому правительству и мятежникам – не тождественные акции. Но! – советское руководство еще не было готово к помощи Мадриду: «... мысль я пытался сформулировать так, чтобы из нашего ответа не вытекало, что если Германия и Италия будут продолжать помогать мятежникам, то мы непременно окажем помощь испанскому правительству»[25]. Советская сторона не желала в тот момент ни с кем осложнять отношений из-за Испании (что выглядит оправданным с точки зрения национальных интересов) и старалась оставить себе некоторую свободу дипломатического и политического маневра.

Итак, фашистские державы и СССР были взаимны в начале августа 1936 г. в желании связать друг друга пусть формальным, но обязательством не вмешиваться в испанские дела. Но нельзя забывать, что Италия и Германия в той или иной мере уже определились в своих интересах в Испанской войне и помогали мятежникам. О каком «невмешательстве» могла идти речь?! Не случайно министр иностранных дел Италии Чиано в беседе с Ингрэмом (7 августа) настаивал на провозглашении нейтралитета, а не невмешательства[26]. Политическая наивность – предполагать, что помощь прекратится, и этом плане она не была присуща никому из политических лидеров стран, начинавших международную политическую игру под названием «невмешательство»[27]. Скорее, итальянцы надеялись (Англия, Франция и СССР), что соглашение о невмешательстве не даст разрастись ее масштабам.

Советскую сторону «неприятно удивила» преамбула проекта декларации о невмешательстве, переданного Пайяром 8 августа. По мнению Крестинского, подчеркнувшего в тот же день эту мысль в служебной записке Сталину, «она составлена таким образом, чтобы под ней могли подписаться все государства, как те, которые хотели бы победы правительства, так и те, которые сочувствуют фашистам. Благодаря этому весь проект но-

сит характер декларации, легализующей фашистов в качестве равноправной воюющей стороны»[28].

Крестинский считал, что декларативные формулировки правильнее вообще опустить и ограничиться перечислением обязательств, которые принимали на себя договаривающиеся стороны[29]. Мотивировка, по мысли советской дипломатии, должна быть исключена (заметим, что это могло оправдывать советские действия в последующем), с чем не согласны были французы: эту мысль подчеркнул в беседе с Вейнбергом 13 августа Пайяр. Они опасались, что такого рода корректировками могут воспользоваться другие страны, чтобы внести поправки уже по существу. Заметим, что о содержании инструкции французского МИДа, полученной в этот же день, Пайяр считал необходимым проинформировать в частном порядке Вейнберга и в конце беседы попросил принять его на следующий день уже для официального разговора по этому вопросу[30].

Англия, придавая особое значение сохранению первоначального варианта вводной части французского проекта, считала нужным соотносить проект соглашения с внутренним законодательством всех приглашенных государств (?), оговариваясь, что она не сможет полностью принять на себя обязательства о запрете транзита. Италия настаивала на дополнении декларации запрещением вербовки волонтеров и сборов в пользу испанского правительства или его противников, на прекращении митингов солидарности с ним в странах-участниках, также как и кампании в прессе. Германия считала нужным также присоединение к соглашению Соединенных Штатов, накануне принявших закон о нейтралитете. Португалия требовала, чтобы Англия или Франция гарантировали неприкосновенность португальской территории на «случай победы в Испании коммунистов»[31].

Фактически под прикрытием согласования текста соглашения на международном уровне шел торг вокруг «испанской карты», таивший, по словам британ-

ского поверенного в делах в Риме Ингрэма, риск перерасти в конфликт доктрин[32]. Дав принципиальное согласие на участие в нем, Германия, Италия, Великобритания, Португалия и Советский Союз под разными оговорками корректировали текст соглашения и обуславливали факт его подписания, фактически отсрочивая этот акт, а следовательно, и реализацию самого соглашения. Все старались выиграть время.

При анализе хода выработки текста соглашения прослеживается попытка английского давления на Францию и желание взять процесс под свой контроль. Английских политиков и дипломатов настораживало, что французская сторона действует излишне самостоятельно, не консультируясь с ними и не всегда ставя в известность о предпринимаемых шагах[33].

Как упоминалось выше, когда в беседе с Камбоном 6 августа помощник заместителя министра иностранных дел Великобритании Маунси предложил политическую и дипломатическую поддержку французским инициативам в Москве, он получил отказ. Английская дипломатия активизировала свою деятельность в этом направлении в Лиссабоне, Риме и Берлине. 11-15 августа шел интенсивный обмен информацией Идена и его помощников с Клерком и британскими послами в Италии и Германии, с французским посольством в Лондоне и отчетливо проявились попытки корректировать французские действия[34]. Возникли даже некоторые временные агло-французские разногласия тактического плана: англичане предлагали сначала запретить экспорт оружия и амуниции в Испанию, французы отстаивали идею заключения полномасштабного соглашения (к слову сказать, события пойдут по британскому сценарию).

14 августа Пайяр вручил Вейнбергу памятную записку, передав официальную просьбу Дельбоса благожелательно рассмотреть вопрос о советских поправках к вводной части проекта (снять их) и по возможности срочно дать ответ. В за-

писке отмечалось, что настойчивость советской стороны по вопросам содержания преамбулы соглашения дает повод некоторым правительствам (в частности, итальянскому) продлить дискуссию по другим пунктам, которую необходимо закончить как можно скорее[35]. И в данной ноте, и в ходе беседы Пайяра с Вейнбергом подчеркивалась мысль, что «британское правительство придает особое значение тому, чтобы вводная часть французского проекта была полностью сохранена»[36]. В тот же день Сталину вместе с этой французской нотой была передана служебная записка Крестинского. Зам. наркома НКВД был настроен достаточно категорично: уверенный, что не советская проволока задерживает подписание соглашения, он считал возможным снять поправки только в случае выполнения аналогичных действий другими государствами, в противном случае «у нас нет в данный момент оснований пересматривать свое отношение к вводной части французского проекта». Это условие было зафиксировано в постановлении политбюро ЦК ВКП (б) (протокол № 42) от 17 августа и повторено в тот же день Вейнбергом Пайяру[37].

Но, умело воспользовавшись затягивавшейся паузой, инициативу перехватила Великобритания, постепенно навязав свои правила игры. Французский план действий, как известно, предполагал обмен нотами о принятии принципа невмешательства одновременно, по меньшей мере, с послами шести европейских стран, а также образование Комитета представителей этих стран для разработки практических мер по реализации принятой декларации, о чем докладывал в Лондон 13 августа Клерк. Днем позже Клерк передал Дельбосу проект ноты, в которой предлагалось под предлогом необходимости принятия срочных мер подписать соглашение в двустороннем порядке. Нота (о запрете экспорта оружия и амуниции в Испанию, прямого или косвенного) с частичными и несущественными изменениями повторяла первоначальный французский вариант. Устно

Клерку предписывалось указать на заинтересованность британского правительства в подключении к соглашению стран-производителей оружия – Чехословакии, Бельгии и Швеции (позже такую же заинтересованность выскажет и немецкая сторона). Вероятно, французская сторона, согласившись на британское предложение, не рассмотрела в этом демарше достаточно тонкий ход, поскольку в декларации говорилось о ее вступлении в силу только после подключения к ней Германии, Италии, Португалии и Советского Союза. 15 августа в Париже были подписаны оба эквивалента декларации[38].

По мнению Вейнберга, 16 августа обсуждавшего этот факт с Пайяром, французский дипломат был несколько удивлен двусторонним характером обмена нот. В сообщении же Пайяра в Париж (17 августа) отмечалось, что задержка советской стороны с ответом свидетельствовала о ее замешательстве: в случае принятия предложенной процедуры некоторые страны могли трактовать и использовать ее условия в своих интересах, породив опасную двусмысленность. Англо-французский демарш произвел, как показалось Пайяру, неблагоприятное впечатление на советских лидеров. Французский дипломат был убежден, что Советский Союз «относительно своей международной политики страдает некоторым комплексом неполноценности, который иногда определяет его обидчивую реакцию»[39].

Последующие дни британские дипломаты в Риме и Берлине активно убеждали своих германских и итальянских коллег в необходимости максимально быстрее присоединиться к соглашению и не настаивать на включении каких-либо корректив в текст декларации, ограничившись замечаниями. Так, по данным советской дипломатии, не последнюю роль в этом сыграла встреча и беседы Гитлера с находившимся в это время в Германии Ванситтартом: «Этот обмен мнениями, ... все же оказал свое воздействие на решение германского правительства присоединиться (хотя бы «в

принципе») к французскому предложению о нейтралитете[40]. Берлин высказал принципиальное согласие 17 августа, а присоединился к соглашению неделей позже, 24 августа. Подвижки в позиции Италии явились, по мнению Ингрэма, результатом переговоров французского посла в Риме Шамбрена с Чиано в ночь с 19 на 20 августа. На следующий день Италия и Португалия стали очередными участниками соглашения. Заметим, что итальянский вариант ноты о невмешательстве, как, впрочем, немецкий и португальский, не содержал преамбулы с мотивацией[41].

Информацию о достигнутых результатах Пайяр сразу же сообщал Вейнбергу, но полнота ее, равно как и объемы записей бесед двух дипломатов, существенно сократилась. Так, запрашиваемые Москвою подробные сведения о позициях всех участников переговоров Париж Пайяру не передавал. Когда же 21 августа Советский Союз еще не выразил официального согласия, Пайяр подчеркнул, что уполномочен своим МИДом ускорить ответ советского правительства и предложил до получения требуемой информации наметить новую формулу, в некоторой степени учитывающую советские замечания к преамбуле декларации. Настойчивость французской дипломатии, как следует из архивного источника, была расценена советской стороной как проявление явной нервозности[42].

На заседании 23 августа 1936 г. Политбюро ЦК ВКП (б) пошло на изменение собственного постановления от 17 августа (к тому времени был решен вопрос о назначении в Мадрид советского полпреда), сняло советские поправки к вводной части французской декларации о невмешательстве в испанскую войну и «предложило М. Литвинову подписать декларацию». В тот же день посредством обмена нотами с французским правительством СССР присоединился к соглашению о невмешательстве[43].

Таким образом, после аналогичной акции Германии 24 августа 1936 г. Соглашение о невмешательстве в дела Испании было подписано ведущими евро-

пейскими странами (всего же его подпишут 27 государств). Но, присоединяясь к соглашению, каждый из первых пяти основных его участников, не сумев внести в текст существенных корректив, оставался при своих планах, ощутимо затруднив в последующем работу Комитета по невмешательству.

Отсюда следует, что уже на этапе согласования и подписания декларации о невмешательстве отчетливо обозначилась разница в понимании ее назначения, трактовке основных положений. Это предопределяло разницу в реализации и обрекало этот документ, призванный сыграть важную роль в урегулировании как испанского конфликта, так и международных отношений вокруг него, на неработоспособность.

Таким образом, соглашение о невмешательстве как серия двусторонних соглашений представляло собой, скорее, декларацию о намерениях. Оно было нелегитимно с точки зрения международного права и не содержало механизма реализации (!), хотя опыт недавних санкций Лиги наций против Италии должен был научить как политиков, так и законодателей максимально четко, конкретно прописывать как основные положения соглашения, так и формы его применения и, безусловно, санкции против нарушителей. Моральное осуждение нарушителей международных законов и границ, как свидетельствовала современная история (например, Рейнская авантюра Гитлера, абиссинская Муссолини) не являлось действенным средством воздействия на них, их остановки.

Аморфность и обтекаемость соглашения, образно определенного Литвиновым «частной внелигационной сделкой держав»[44], таила в себе и искушение, и опасность его нарушения в обозримом будущем, тем более, что соблюдение его Италией и Германией было весьма проблематичным. Не случайно уже 29 августа 1936 г. статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Дикгоф заметит в письме Нейрату: «Я с трудом верю, что план [невмешательст-

ва] несет серьезную опасность для нас. Слово “контроль” не появилось во французской ноте, согласно объяснению Франсуа-Понсе, максимум, что он может повлечь за собой – обмен информацией и координацию»[45].

Францией в конце августа 1936 было предложено создать международный комитет, что являлось серьезным нарушением Устава Лиги Наций. Предложение Великобританией своей столицы для размещения Комитета по применению Соглашения о невмешательстве в Испанию устроило и Италию, и Германию, без особых симпатий относившихся к правительству Блюма и не уверенных в политической стабильности Франции рассматриваемого периода. С данной инициативой, акцентируя ее французское авторство, согласилось и советское правительство[46].

Можно утверждать, что в ходе подписания декларации и создания Комитета по невмешательству Франция еще не следовала беспрекословно в фарватере британской «испанской» политики. Это наступит позже под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. В августе-сентябре 1936 г. эскалация испанского конфликта и позиции фашистских стран ускорили процесс ее подчинения английским интересам. Предложение Лондона как места работы Комитета в этом контексте было не случайно. Но Британия еще не стремилась полностью перехватить инициативу, уверенная, что в той ситуации Франция просто обречена на союзничество.

Процесс обсуждения соглашения о невмешательстве во многом смоделировал будущие направления, векторы борьбы в Комитете и в целом вокруг испанской проблемы и группировки, позиции ее основных членов (активность или относительно пассивную наблюдательность и т.д.). В ходе согласования текста соглашения его участниками были обозначены такие проблемы политики невмешательства, как «косвенное вмешательство» (Италия, Португалия, Германия), права воюющих сторон (Португа-

лия, СССР), волонтерство (Италия), формы и методы организации контроля за поставками в Испанию (Италия) и другие, вокруг которых и развернется основная борьба в Комитете по невмеша-

тельству.

Отмечая все изъяны и слабости политики невмешательства, ее запрограммированную несостоятельность, нужно все-таки признать, что альтернативы ей в рассматриваемый период, к сожалению, не было.

Примечания

1. См.: DBFP. 2nd. ser. Vol.17. Doc. 13-16, 18, etc. P.14-19, 20-21.
2. *Déaunay J.-M.* 1936. Les intérêts français en Espagne // Autour de la guerre d'Espagne. Actes du colloque organisé à la Sorbonne par le Centre de Recherche Idéologique et Discours les 7 et 8 novembre 1986. 2 éd. Sorbonne, 1993, P.165-172; *Eden A.* Facing the Dictators. L., 1962. P.476; *Edwards J.* The British Government and the Spanish Civil War, 1936-1939. L., 1979. P.15-39, 172-175; *Gallagher M.D.* Leon Blum and the Spanish Civil War// Journal of Contemporary History. Vol.6. N 3, 1971. P. 58; *Grandmougin J.* Histoire vivante du Front populaire. P., 1962. P.223; *Joll J.* Intellectuals in Politics. L., 1960. P.38; *Stone G.* The European Great Powers and the Spanish Civil War / Parts to War: New Essays on the Origins of the Second World War. Ed. by R. Boyce and E. M. Robertson. L., 1989. P.212; *Thomas H.* The Spanish Civil War. N.Y., 1977. P. 344-345, 387-389, 825, etc.
3. АВП РФ. Ф.069. Оп.20. П.60. Д.4. Л. 25-29; Там же. Ф.098. Оп.19. Д.658. П.141. Л.47-49; Там же. Ф.082. Оп.19. П.83. Д. 4. Л.78-80.
4. АВП РФ. Ф.069. Оп.20. П.60. Д.4. Л.25, 29.
5. См.: *Gallagher M.D.* Leon Blum and the Spanish Civil War// Journal of Contemporary History. Vol. 6. N 3, 1971. P..58.
6. DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.7. P. 8-9, note 3.
7. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. С.340.
8. DDF. 2e ser. T.3. Doc.17, 25. P.52, réf. 3
9. *Gallagher M.D.* Leon Blum and the Spanish Civil War. P.59. Позже станет известно, что секретная информация о первоначальном французском решении помочь Мадриду будет разглашена испанским военным атташе в Париже, майором Антонио Барросо, симпатизирующим Франко, который передаст ее корреспонденту «Эхо де Пари» Генри Кериллису.
10. DDF. 2e ser. T.3. Doc.56, 59. P.97-98, 100-101; DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.44. P.47-48.
11. DDF. 2e ser. T.3. Doc. 56, 59; DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.45. P.49, note 3. P.49-50; Doc.52. P.58-59; АВП РФ. Ф.097. Оп.11. П.102. Д.14. Л.193.
12. ДВП СССР. М., 1974 Т.19.С. 392-393; Постернак А.В. Внешняя политика Франции в связи с гражданской войной в Испании (1936-1939 гг.). Дисс....канд. ист. наук. Ярославль, 1998. С.114; Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. Решения «особой папки». 1923-1939. М., 2001. С.339. Прим.1. и др.
13. DDF. 2e ser. T.3. Doc. 30, 33, 34, 66, 69, 111.
14. DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.45. Note 3. P. 49-50, Doc. 78. P.83; АВП РФ. Ф.010. Оп. 11. П. 71. Д.53. Л.19-20.
15. DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 53. P.59; Doc. 57. P.63-64; Doc. 72. P.78; Doc. 77. P.82; Doc. 83. P.78, etc.
16. АВП РФ. Ф.097. Оп. 11. П.102. Д.14; Там же. Ф.010. Оп. 11. П.71. Д.53; Там же. Ф.098. Оп.19. П.141. Д.658; Там же. Ф.415. Оп. 8. П.57. Д.2.
17. DDF. 2e ser. T.3. Doc. 56, 59; DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.45. P.49, note 3. P.49-50; Doc.52. P.58-59.
18. DBFP. 2nd. ser. Vol.17. Doc. 52. P.58-59. Note. 1; DDF. 2e ser. T.3. Doc.75, 76. P.118-119.
19. АВП РФ. Ф.082. Оп. 19. Д.4. Л.114. Суриц-Крестинскому, 15 августа 1936 г.
20. DDF. 2e ser. T.3. P.113; DBFP.2nd ser. Vol. 17. Pp. 55-56; DGFP. Ser.D. Vol.3. Doc.29. P.29. Меморандум министра иностранных дел Нойрата, 4 августа 1936 г.
21. DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.52. P.58; *Ciano's Diplomatic Papers.* L., 1948. P.27-28.
22. АВП РФ. Ф.097. Оп.11. П.102. Д.14. Л.194-195; DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 52. P. 58-59.
23. АВП РФ. Ф.097. Оп.11. Д.14. Л.193.
24. DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.64. P.68.
25. АВП РФ. Ф.010. Оп.11. П. 71. Д.53. Л.19-20. Крестинский – генеральному секретарю ЦК ВКП (б) тов. Сталину. 5 августа; Там же. Ф.098. Оп.19. П.141. Д.658. Л.218-219.
26. DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 69. Note 4. P. 75.
27. «Я, - писал 7 августа Крестинский, - ни одной минуты не сомневаюсь, что до окончательного разгрома испанских повстанцев Италия и Германия будут им самым активным образом помо-

- гать». – АВП РФ. Ф.098. Оп.19. П.141. Д.658. Л.220. «100% нейтралитет Чиано, как он заявил о том, трудно согласовывается с инцидентами по поставкам самолетов», - комментировал телеграмму Ингрема из Рима от 7 августа третий секретарь британского МИДа по Лиге наций и Западному департаменту С.А. Шугбург. DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 69. Note 4. P.75.
28. АВП РФ. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.53. Л.28. Крестинский Н.Н. – Сталину И. 8 августа, 1936 г.
29. Там же.
30. Там же. Л. 41.
31. Там же. Л. 39, 42-43; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc.62, 69, 70, P.66, 74, 76; DDI. 8ser. Vol. 687. P.755.
32. DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.71. P.77.
33. Еще 7 августа британский посол в Париже Клерк в беседе с Дельбосом, которую он пытался представить как сугубо личный обмен мнениями, активно зондировал французскую позицию на предмет отношения к Мадридскому правительству и возможности помощи ему, подчеркивая критичность и опасность ситуации. В беседе присутствовали и элементы легкого шантажа: Клерк утрировал возможные осложнения во взаимоотношениях Великобритании и Франции в данной коллизии в случае поддержки им испанского правительства. На что Дельбос ответил, что он и его коллеги не желают ничего, кроме как тесно сотрудничать в разрешении возникшей проблемы. 11 августа Ллойд Томас с удовлетворением констатировал в своем послании Кадогану, что, по его мнению, эта беседа стала одним из определяющих факторов во французском следовании политике невмешательства. - DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.67. P.71-71; DDF. 2e ser. T.3. No. 108. Note.1. P. 159.
34. DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 64, 79- 81, 83-84, 86-96. P. 67-68, 85-104.
35. АВП РФ. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.53. Л. 41, 38-39.
36. Там же. Л.38-39, 40, 44.
37. Там же. Л. 42-43; Ф.097. Оп.11. П.102. Д.14. Л. 182; Политбюро ЦК РКП (б) - ВКП (б) и Европа. С.339.
38. DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.94, note 1, 3. P.100-102; Doc. 95-96. P.103-104; DDF. 2e ser. T.3. Doc. 150. P.221-223.
39. АВП РФ. Ф.097. Оп. 11. П.102. Д. 14. Л.183; DDF. 2e ser. T.3. Doc. 156. P. 229.
40. АВП РФ. 082. Оп.19. П.83. Д.14. Л.86-87.
41. АВП РФ. Ф.097. Оп. 11. П.102. Д. 14. Л.180; DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 101, 103-106, 116, 121. P. 108-139, 147-148; DDF. 2e ser. T.3. Doc. 185.
42. АВП РФ. Ф.097. Оп. 11. П.102. Д. 14. Л. 179. Запись разговора Вейнберга с Пайяром, 21 августа 1936 г.
43. Политбюро ЦК РКП (б) - ВКП (б) и Европа. Док. 243. Прим.2. С. 340; АВП РФ. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.53. Л.52-53.
44. АВП РФ. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.29.
45. DGFP. Ser.D. Vol.3. Doc.64. P. 64.
46. АВП РФ. Ф. 010. Оп.11. П.71. Д.53. Л.55; Дикгофф писал 30 августа 1936 г.: “Мы не сможем избежать жалоб [на вмешательство в испанские дела – В.М.] в любом случае. Ситуация может быть приемлемой для нас, если центр притяжения, которым стал Париж в результате французских инициатив, переместится в Лондон”. DGFP. Ser.D. Vol.3. Doc. 64. P.64, также: Doc.65. P.65.